

С. М. Елисеев¹

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЕВРОПЫ

Исследование геокультурного воздействия Европы на развитие российской государственности имеет важное значение для понимания механизмов и закономерностей ее развития. Особую актуальность данная тема приобретает в контексте очередной попытки российской элиты перейти от устойчивого мобилизационного развития, основанного на эффективном использовании природных ресурсов, к устойчивому инновационному развитию, основанному на эффективном развитии и использовании человеческого и информационного капитала. Обращает на себя тот факт, что несмотря на последовательные и убедительные призывы руководства страны к переходу на инновационный курс развития Россия продолжает сильно отставать от развитых стран, более того — этот разрыв увеличивается.

На протяжении многих столетий геокультурное воздействие Европы является определяющим в истории России. Развитие российского государства и общества в целом, как правило, происходит под влиянием экзогенных преобразований во внешней среде, в условиях ограниченности ресурсов и конкуренции, то есть неразвитости внутренних эндогенных факторов. Это обстоятельство, на наш взгляд, имеет ключевое значение для понимания сложившейся институциональной матрицы, определяющей культуру и темпы институциональных изменений, способы легитимации и осуществления власти, рекрутирования элит и т. д.

Началом формирования российской институциональной матрицы, по нашему мнению, можно считать X век. Большинство европейских народов уже приняло христианство, в Азии распространяется ислам, а славянские племена все еще остаются язычниками. Принятие христианства заложило основы нового мировоззрения, сформировало новую систему убеждений и представлений о мире, социальном порядке и месте человека в нем. Частью нового мировоззрения стало убеждение об отсталости славянских народов от народов Западной Европы в силу того обстоятельства, что последние пришли к христианству раньше славянских племен. В результате в сознании элит славянских народов сложились убеждения о необходимости догнать в будущем ушедшие вперед народы Западной Европы. Эта представление получит распространение и в русской культуре. В ней оно займет со временем едва ли не центральное место и станет предметом жарких споров и дискуссий на многие столетия. В кризисные и переломные периоды истории именно оно во многом будет определять стратегии общественного развития, вы-

бор средств и методов достижения целей. Развитие Европы и России происходило не только рядом, но и параллельно — геополитически, геоэкономически и геокультурно.

Российское общество во все времена испытывает внутреннюю культурную потребность следовать Западу, рассматривать все внутренние проблемы и конфликты в сравнении с Западом, одновременно защищая собственные культурные традиции от тотального подчинения европейской культуре.

Известный русский историк С. М. Соловьев писал, что Россия и Европа одновременно начали движение по исторической дороге, однако вследствие существенных различий в условиях развития, чрезвычайно неблагоприятных в случае России, при равенстве внутреннего потенциала последняя развивалась медленнее, что стало причиной разницы в историческом возрасте между Россией и ее европейскими соседями в два века². Большинство историков констатировали, что в условиях конкуренции с ушедшей вперед Европой Россия была вынуждена форсировать развитие, чтобы не стать жертвой «более взрослых» народов: «юный народ, долженствовавший заимствовать... плоды цивилизации, осужден был гнаться за ними без отдыха, со страшным напряжением сил»³.

Представление о том, что Европа ушла значительно вперед по сравнению с Россией, сложилось, по сути, уже в период принятия христианства. Оно усилилось и переросло в убеждение правящей элиты в период после освобождения от татаро-монгольского ига, когда встал вопрос о путях дальнейшего развития общества и построения национального государства. Именно в этот период складывается институциональный каркас общества, включающий в себя политические институты, определяющие способы артикуляция и агрегацию интересов, экономические структуры, определяющие экономические стимулы, а также социальные структуры, которые определяют нормы и правила социального взаимодействия.

Таким образом, геокультурное воздействие Европы на Россию стало одним из важнейших факторов не только образования институциональной матрицы, но и тенденций ее институциональных изменений. «Оно прослеживается не только в западничестве и “выборе свободы и демократии”»: внимательный анализ славянофильских, самобытных, евразийских, патриотических, националистических и т. п. взглядов свидетельствует о не меньшей референтности европейской и западной традиции в антизападничестве воззрениях. Это выражается прежде всего в неосознанном принятии Европы (а со временем — и США) в качестве точки отсчета, главного

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор политических наук. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе», «Политические процессы и институты в современной России», «Политические отношения и современный политический процесс в России», «Политическая социология» и др.

² Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 426–427.

³ Там же. С. 462.

оппонента, единственного культурного конкурента, того, от чего Россия принципиально отличается (разумеется, в лучшую сторону)»¹.

Хотя геокультурное и геополитическое воздействие Европы на Россию является общепризнанным фактом, это не дает оснований предполагать, что их институциональные матрицы могут быть сегодня похожи друг на друга. Скорее наоборот, под влиянием долговременных экономических, политических и культурных факторов исходные институциональные различия только усилились и укрепились. За последние 500–800 лет Западная Европа превратилась из отсталого в один из развитых регионов мира, демонстрирующим устойчивые темы развития. Россия же в аналогичный период достигла более скромных результатов. Заимствовав плоды западной цивилизации, непрерывно гонясь за ней со страшным напряжением сил, демонстрируя череду взлетов и падений, она продолжает отставать от развитых стран мира, в число которых вошли уже не только европейские, но и азиатские и североамериканские государства.

В этой связи возникает вопрос: а не загнали ли мы сами себя в институциональную ловушку, создав по-своему уникальный механизм мобилизационного развития, демонтаж которого становится все менее возможным по причине предельно высоких транзакционных издержек и политических рисков, неизбежных при осуществлении данной операции?

В отличие от Европы, в России государство одновременно является основным экономическим агентом и политическим актором, что на практике означает соединение политической и экономической власти в одном институте, и утверждение зависимости развития институтов собственности от институтов власти². Но при этом власть всегда остается первичным, а собственность — вторичным образованием. Как писал Е. Т. Гайдар, «власть вечно занята добыванием для себя собственности, в основном за счет передела уже имеющейся»³. По этой причине в системе отсутствуют действенные экономические стимулы развития собственности, но развиваются политические практики передела уже имеющейся.

Роль и функции государства в процессе модернизации в России во многих отношениях отличается как от роли государства на Западе, так и от функций власти на Востоке. «С одной стороны, российское государство есть сила, иницилирующая эволюционные изменения, а с другой — представляет собой инертную структуру, мало соответствующую природе глубинных социальных преобразований как таковых и блокирующую естественное разрешение назревших противоречий. В модернизационных усилиях государства общество, хозяйственный строй, культура и т. п. всякий раз выступают

лишь в качестве объекта преобразования, но никогда — в качестве его опоры или стимула к изменениям. Их активный потенциал оказывается неостребованным. Накопленные за предшествующий период культурные и экономические силы общества отращаются как ненужные, отжившие, негодные для дела обновления»⁴.

В этой связи естественно возникает несколько вопросов. Во-первых, возможно ли изменить исторически сложившуюся матрицу? Во-вторых, если да, то каким образом?

По нашему мнению, принципиальных препятствий на пути изменения институциональной структуры общества нет. Культура российского общества не содержит принципиальных ограничений для развития демократии и инновационного развития. Все мнения и представления о том, что отечественная культура не способна стимулировать экономический рост и развитие демократии, есть отголосок все того же геокультурного воздействия Европы на Россию. Следовательно, для того чтобы создать новую институциональную матрицу, необходимо прежде всего изменить представления и убеждения акторов, модели принятия решений, которые определяют принципы построения институциональной структуры. Следовательно, на первый план выходят не столько технологические, экономические или политические вопросы, сколько социокультурные.

Как свидетельствует мировой опыт, успешное проведение реформ и сохранения в течение длительного периода курса на экономическое развитие предполагает, прежде всего, изменения мировосприятия людей, их ценностей и убеждений, моделей принятия стратегических решений. Одни институциональные изменения без изменения культуры не могут привести к желаемому результату. Простое заимствование чужих институциональных структур не приводит к автоматическому изменению мировоззренческих основ общества, моделей поведения и принятия решений.

Опыт ряда государств Юго-Восточной Азии, испытывавших на себе в середине прошлого века влияние аналогичных представлений о несовместимости традиций азиатской культуры с демократией и экономическим ростом и добившихся экономического роста и развития демократии, свидетельствует о том, что подобная точка зрения расходится с социальной практикой. Очевидно, что существующие экономические и политические институты не смогли полностью раскрыть потенциал отечественной культуры, взяв из нее только те ценности и традиции, которые способны обеспечить мобилизационное развитие при авторитарном правлении. Пока в сознании экономических агентов и политических акторов будут доминировать подобного рода представления, российское общество будет продолжать двигаться по мобилизационному сценарию, чередуя взлеты и падения, усиливая свою зависимость от колебаний цен на мировом рынке.

⁴ Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России // Полис. 1998. № 2. С. 40.

¹ Розов Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление // Полис. 2006. № 3. С. 8–28.

² Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: Истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997.

³ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 1997. С. 2.

Как свидетельствует успешный опыт изменения институциональной матрицы стран Западной Европы и ряда стран Юго-Восточной Азии, начинать надо не с политических, а социокультурных факторов¹. Прежде чем начать экономические и политические реформы, необходимо подготовить соответствующую почву. Согласно данным международных сравнительных исследований, на процесс развития общества серьезное влияние оказывают культурные ценности и нормы². Современным обществам «присущи ярко выраженные культурные особенности, сохраняющиеся в течение длительного времени и оказывающие заметное влияние на их политическое и экономическое функционирование»³.

Все попытки «стереть» в процессе модернизации культурные особенности ради достижения универсального порядка не создают новых дополнительных стимулов к социальному и политическому развитию. Несмотря на модернизацию, самобытность

культуры, обусловленная религиозными традициями, сохраняет свою силу.

Следовательно, в России, как и во многих других обществах, процесс перехода к инновационному развитию должен включать в себя не только политические, но и культурные факторы. Культура как эндогенный фактор должна поддерживать институциональные изменения, укрепляя веру акторов в возможность успешного перехода к новым типам развития.

Для того чтобы перейти к инновационной модели, необходимы глубокие изменения ментальных схем восприятия действительности на уровне как элиты, так и массы. Пока этого не произойдет, мы будем оставаться в плену прежних иллюзий и представлений, убеждающих нас в том, что существующая институциональная структура, ее экономические и политические институты способны обеспечить переход к инновационному развитию.

¹ *Линдсей Ст.* Культура. Ментальные модели и национальное процветание // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2002. С. 272–289.

² *Harrison L.* Who Prospects? Now Cultural Values Shape Economic and Political Success. N. Y., 1992.

³ *Инглхарт Р.* Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2002. С. 106–128.